

Лунная канцона

*Моя родина,
носящая священное для меня имя Ливны,
небольшой город Орловской губернии, –
кажется я умер бы от изнеможения
блаженства, если бы сейчас увидел его – в
нагорье реки Сосны.*

Прот. Сергей Булгаков

Поезд от Орла тянулся медленно, каждому полустанку кланялся, за окном вяло возникали и исчезали столбы и поля. В жестком вагоне с деревянными скамьями, плотно утрамбованном людьми в начале пути, и пустующем близ конечной остановки, сидела у окна студентка, для которой отсутствие мягких кресел, постели и скорости, как и аскетичный быт студенческого общежития привычен. Грохочущий перестук колес, отражение лиц пассажиров в раскачивающихся зеркалах под верхними полками, дребезжащая ложка в стакане – все до боли знакомо, еще немного, еще чуть-чуть и дома!

На перроне пахло паровозным дымом, клубы которого еще чернели над вокзалом, а из поезда с чемоданом, бьющим по оголённым мини юбкой ногам, уже спрыгнула в родительские объятия Александра. Увидев дочь, отец ахнул:

– Сашка, рыбка моя, дай тебя расцелую, дай рассмотрю! Ох, хо, хо! Что же это? Ты точно скелет! Как пить дать – скелет! Милая, да у тебя остались только кожа да кости! Ты и была худышка, а теперь вернулась – будто не из сытой столицы, а в пору из блокадного Ленинграда. Ладно, – успокаивал он сам себя, – косточки есть, а мясо наростим! Я этого учёного заморыша сам лично откормлю! Как я рад обнять тебя! Посмотри-ка, Клаша, – обратился он к жене, – как она становится похожа на бабушку, рыжая – вся в неё!

Александр не понравилось замечание про вылитую бабушку, девушку оно скорее огорчило, чем обрадовало. Лишь отголосок в домашних легендах о стародавней красоте рыжей бабушки примирил с ним Александру. Ну, да, в неё волос рыжий и кудрявый, как, говорится, мелким бесом закручен, глаза мало сказать зелёные, так будто у кошки по краю зрачка жёлтым ободком окрашены. Ну, да, в бабушку грудастая, но тощая это уже не в неё.

– Зато талия в два обхвата!

Отец обнял дочь, и действительно Александра поместилась в его руках:

– Не очень-то хвались талией, на лице одни глазищи сверкают, но не беда! Нам не привыкать к таким воблам, – смеясь, посмотрел на хрупкую жену, которая прижала дочку к себе и не отпускала. «Ох! Как давно не виделись, мамочка моя!»...

Не удавалось Тихону Тихоновичу выполнить своё обещание откормить студентку, дни у девушки проходили в бегах – по подругам и школьным друзьям, а по возвращению поздним вечером домой она, заставая его за столом с книгой, спешила мимо. Ежевечерне, он ждал её, не ложился спать, перечитывая по десятому разу книгу «Дон Кихот» Сервантеса. Его вечера проходили в ожидании, уходила в спальню жена, а он всё ждал возвращения повзрослевшей дочери. Ждал, мечтая поговорить по душам, своими думами поделиться, узнать от Александры: «Ну, как ты там поживаешь, рыбка моя, без родителей? Всё ли хорошо в студенческой жизни? Не обижают ли кто?»

На кухне остывал накрытый красиво на столе ужин – накрученные вареники, сметана в банке с базара, которую отец по своему вкусу выбирал, жареная картошка с домашней котлетой. Да и потом оставался нетронутым.

– Папа, ну, что ты не спишь? Не заставляй меня объедаться, я не хочу есть. Спокойной ночи! – и хлоп дверью своей комнаты. Ну, почему не сказать «родненький», почему не уважить и не съесть хоть кусочек приготовленной им еды? Почему не посидеть рядом и не поговорить как

прежде, не послушать – как в детстве? Почему не спросить: «Па, как ты? Здоров ли? Какие новости в жизни, на работе? Почему не припомнить весёлого цыпленка в рукаве» ... Молодость – как ты суетлива и небережлива, даже к тем – кого сильно любишь, кто тебя безгранично любит!

Вот и сегодня всё повторилось. Мимо, мимо, мимо отца без задержки. – «Спокойной ночи!» – поцелуй в щёку на бегу и за дверь. Не зажигая света, светло и так от полнолуния, уселась у раскрытого окна на подоконнике, вдыхая с улицы запахи ночи, откуда-то опять дохнуло до третьего этажа ночной фиалкой. Сидит Александра, скрестив руки на коленях. Любимое место и поза. Здесь с детства привыкла мечтать о чем-то неуловимом и невиданном, размышлять о прочитанных книгах, которые отец подкладывал для неё на стол, в задумчивости слушать подолгу колокольный звон близкой Сергиевской церкви. За каменный церковный забор Александре дорога отцом заказана со всей строгостью, раз и навсегда. Вера в Бога это дело прошлое, для темного и неграмотного народа, а люди образованные, к тому же коммунисты – они же атеисты, живут материализмом и будущими идеалами коммунизма. Так то! Но колокольный звон по утрам и под вечер проходил по сердцу, задевал, заставлял распахивать окно и сидя на подоконнике, вот так как сейчас, вслушиваться в удары, летящие над рекой до горизонта и обратно по городским улицам. Он томил призрачным томлением. Выбор делала чуткая душа, по-своему роднилась со звоном, как пятки с пылью чернозема.

Долго так сидела Александра. И долго из-под дверной щели пробивался свет, это отец всё не ложился спать, перечитывая повесть печального рыцаря Дон Кихота.

Упираясь позвоночником в край оконной рамы, девушка глядела на освещаемые полнолунием безлюдную улицу, в лунном блеске руки, крепко держащие колени, и с огорчением думала:

– Ну как взять да и выложить папе или кому-либо ещё про то, как сегодня я друзьям ни с того ни с сего показалась дурочкой. Скорее полной идиоткой. А объяснения этому нет и нет. Если бы не лунная дева... Увела меня ото всех, отделила, показала всем мою глупость. Всех я насмешила. Но что бы сказал папа? Ещё вчера вместе с ним слушала «лунную сонату» Бетховена. Он остановил меня у проигрывателя, когда я к себе в комнату спешила. Усадил рядом, обняв, сказал: «Не беги, остановись. Послушай, дочка, красота какая!» И правда музыка изумила, разнежила, заморозила несбыточностью, захватила выси сознания так, что хотелось, чтобы её звуки длились, длились, длились. Это вчера, а сегодня ночью на реке я её не то, что услышала – увидела близко, близко. Хотела даже сама без скрипки как на скрипке... Лунная дева! Я рассказала бы папе про лунную деву, а он бы мне: «Фантазёрка! Всё-то ты выдумала». А ведь она была, была! Из-за неё и дурочкой Федя меня назвал. Никогда ему этого не прощу!

А всё вышло так.

Встретились с подругой одноклассницей Алечкой, чернявенькой с пухлыми губами, та вполне могла поспорить с любой красавицей, в ней всё так пропорционально и разумно устроено, во всем мера и гармония. Среднего роста, средней упитанности и округлости, стильно одетая, порой не по материнскому карману, хорошо воспитанная и начитанная. Лишь ногти на руках были чрезмерными, но Алечка ногти берегла и их длиной гордилась. К тому же разносторонне развитая, с ней всегда было интересно поумничать и о музыке, и о прочитанных книгах. Раскованная с Александрой, в обществе оставалась тихоней, а по-другому – скромницей.

Девушки отправились в городской сад, любимый всеми горожанами со стародавних еще дореволюционных времен. Он располагался на нагорной части, был прост и ухожен. Дорожки посыпаны красным песком, аллеи обнесены зарослями сирени и белой акации, а на центральной аллее развешены гирлянды из крашенных лампочек. Старые деревья создавали своими раскидистыми ветвями затененные укромные уголки, где влюбленные парочки любили укрываться от надзора рьяных комсомольских дружинников. А где же им ещё целоваться как не в парке на скамейках? Тоже нашлись блюстители порядка.

Перешагнув арку с надписью «Городской сад», и повернув со всеми вместе на главную

дорожку, ведущую влево, Александра никогда не могла отделаться от мысли, что в правом углу, где не бывала и трава примята, лежало, верно, и лежит, большое скопище камней из известняка. Она о них точно знает, видела однажды. Будучи пронырливыми и вездесущими детьми, для которых непознанным не оставался ни один закоулок двора, ни одна улица, ни один клочок парка, как-то нашли в углу у изгороди, через решетку которой рукой подать до Сергиевской церкви, большущие камни с надписями: «Жил тот-то, умер тогда-то». До сей поры осталось недоумение, каким ветром эти камни сюда занесло? В парке не хоронят, это же не кладбище. Камни, похоже, не смущали взрослых, а дети с величайшим любопытством разгребали мох и грязь, касались камней чуть ли ни лбом, чтобы прочесть странные имена. Далёкое прошлое дохнуло слишком близко... почти в лицо. Невольно всплывал вопрос: «О ком эти надписи? Чьи здесь имена?», и тут же исчезал при взгляде на даты прошлого века. Всё мхом поросло, и никому до призраков не было дела. За давностью времен и коловоротом событий удивительно, что остался даже такой след от жизни тех людей, а большего найти уже невозможно. Да никому оказалось и не нужно, увлеченно и самоотверженно строим социализм и лучшую из возможных жизнь на земле. Запомнилась Александре, однако, одна надпись: «Не цепляйся ногой за могильный камень, прохожий! Блаженствуй в цветущем саду!»

А слева от входа в парк как вечные часовые стойко держались покрашенные серебряной краской монументы солдатам-героям прошедшей войны, у подножия которых лежали раскрашенные венки из нержавеющей стали. Год за годом к дню Победы венки обновляли совершенными копиями, будто сделаны были с одного станка. Когда-то шестилетка Александра проткнула лодыжку об острый угол нержавейки, и, увидев кровь, хлеставшую из раны, больше от страха тряслась и плакала, боясь наступить на раненную ногу. Лучшая подруга, рослая против ровесников девочка, подхватила Шуру на руки и несла три квартала, будто с поля боя выносила, без передышки тащила к родителям. А там уж и уколы от столбняка, и белый бинт с йодом, и слезы, и с кровати не вставать – всё по-военному.

Солдаты с венками из нержавейки у подножия были на месте, видом всё те же. Александре вдруг захотелось, чтобы здесь у серебряных сапог воинов цвели розы или гвоздики, а лучше хризантемы, чтобы не веяло привычным равнодушием горожан, которые спешно сворачивали на главную тропу, ведущую к излюбленному их месту на нагорье. Это открытая площадка над обрывом, откуда открывался прекрасный вид для созерцания, а вниз вели протоптанные людьми дорожки к слиянию двух рек. Далекое до горизонта между двух пологих берегов виднелась крутыми изгибами река Сосна, уводящая воды от города в другие края, где её как заблудшую дочь принимала сначала Ока, а потом вместе они спешили к бабушке Дону.

Чуть в стороне в низине виднелась другая речка Ливенка, быстрая, не уступающая в скорости и прохладе горным рекам, от бьющих в ней ключей сводило в детстве щиколотки, на редкой осоке у берега всегда хотелось поймать голубую стрекозу, но мешала торопливость, да глазастость самой стрекозы. Ливенка, именем которой назван город, или может быть именем города река, впадая в Сосну, исчезала тут же под мостиком, столько её и видели. Где-то затерялось начало у этой речки, но здесь под горой был её конец. В устье прозрачная бегунья темнела от объявившейся глубины, и бурлила, прежде чем исчезнуть с карты земли, и вода пробивалась к воде, носившей иное название.

Всему есть начало и всему приходит конец, как на тех могильных камнях. Если бы не черта, если бы не путь... Вот он, путь-дорога – главнее начальных и конечных точек отсчета. Руслу рек не повторяются, и два одинаковых днём с огнём не найти, у каждой реки оно своё и неповторимое. И чем глубиннее дно, тем неспешнее верхние воды. Неторопливый молчаливый ход реки Сосны тревожно величав. Течение реки, как течение в ней времени, которое было до нас, есть при нас и будет после нас.

Солнце уже клонилось к закату, и девушки стояли рядышком на косогоре. Обе рады встрече, обе смотрели в одну и ту же сторону, любясь краснеющими от заходящего солнца облаками, яблоневым садом на той стороне, и блистающей рекой под солнцем, тягуче усколь-

зающей прочь за озор. Но пути у подруг уже почти разошлись, одна учится в Москве, другая в Ленинграде. Каждой предначертана своя дорога... как рекам Сосне и Ливенке.

– Река и дальняя дорога, вечно будоражат вопросом: «А что же там за горизонтом?» Ведь ходили по реке корабли и кораблики, лодками до сих пор усыпан в низине берег. Рыбаки сменили купцов и путешественников, которые, было дело, неустанно на судах спешили в неизведанное, за счастьем, за удачей, за победами. Русло реки был их путь. А что я? Кто же мы? Что ждёт нас? – Так в раздумьях текли мысли Саши, которая, сидя на краю подоконника и неотрывно всматриваясь в ночь, вспоминала свою с подругой прогулку.

В парке гуляет чуть не весь город, молодёжи особенно много и девушкам не дали скушать – подошли два молодых человека, Слава и Федя. Аля их узнала – одноклассники, когда-то учились параллельно в соседней школе, а теперь образуются где-то в Орле, тоже студенты на каникулах. Завязался разговор смешной, дурашливый с приколами и хохмами. Аля с Сашей смеются, не сдерживаясь, лёгкое общение под настроение.

– Девчата, а хотите, сгоняем вчетвером на лодке туда и обратно к Адамовой мельнице. У меня лодочник родной дядька, в любое время лодку даст!

Девушкам такое предложение показалось дерзким, и они отказались: «Нет, мы были там. В другой раз как-нибудь».

Из-под обрыва квакнула лягушка. Юноши не отступали:

– А вы лягушачий концерт слышали когда-либо? Мы вас приглашаем на бесплатный лягушачий концерт! – выступил вперёд загорелый до черноты Слава.

– А что, разве бывает концерт у лягушек?

– Ещё какой! И свадебный бывает, и воскресный и просто пятничный. Сегодня как раз пятница. Больше нигде не услышите, только в Ливнах! Но надо приходить часов в десять - одиннадцать вечера? Хотите?

Что-то очень круто забирают ребята:

– Не уверены, что дома отпустят слушать дикий концерт, – недоверчиво отнеслась к предложению Саша.

– Интересно же, Сашуля! Я никогда не была на лягушачьем концерте! Давай сходим, как ты? – спросила Александру Аля, которая где-то под спудом ощутила себя авантюристкой.

Не хотелось отказывать подруге, может ей кто из мальчишек понравился? И Александра согласилась:

– А почему нет? Конечно, пойдём! А то весь год химия да химия, колбы, реактивы и толстые книги с формулами. А тут лягушки дают концерт, я о таком даже не слышала. Давай, Алечка, удовлетворим своё непомерное любопытство.

И часов в десять вечера, когда стемнело, они собрались вчетвером на том же месте. Лягушки внизу под горой надрывались будто на гульбище. Компания в сумраке спустилась ближе к берегу. Слаженное кваканье действительно было похоже на концерт иностранцев, слов не разберешь, зато страсти не занимать до хрипа, до самозабвения. Казалось, фишка заключалась в том – кто кого перекричит, да кто громче провопит: «Ква!» Но всё же слушатели их вдохновенную арию оценили. Поздний концерт не был призван усладить ухо, сколь нежнее пели в траве кузнечики, перед хором стояла другая задача: билась во все горло и заявляла о себе пусть несурная для кого-то, без прикрас, но безудержная жизнь, и о ней была песня. О чудном месте, где им посчастливилось обитать и обонять брюхом травы, а глаза заводит к небу, о реке полной родных головастика, лупоглазо мелькающих под солнцем в прозрачной воде, о любви, наконец, по-свойски пели ливенские лягушки.

– А я умею по-лягушачьи, – заявил Федя, надувая щеки, и выпуская через зажатый рот звук, подобный лягушачьему «Куа!» За ним все ринулись повторять и вторить хору лягушек. С полчаса молодежь дурачилась, надувала щёки, гудела во всё горло под лягушачий рэп, покачиваясь со смеху и, потешаясь друг над дружкой.

– К нам как-то раз в общежитие приехала рок-группа, – начала Алечка, – музыканты, типа битлов, давали концерт в спортивном зале. Собралось всё общежитие, сидели кто на чём,

даже на полу, а те вытворяли чёрте что, считалось, что поют на английском. Но очень схоже с лягушачьим ором, эти земноводные даже занятнее. Тоже ведь искусство.

– Я тоже в Питере ходила на рок-концерт Жака Брэля, такой вот французский исполнитель. – Поддержала разговор Александра, – неистовый, молниеносный, феерический, я даже дышать забывала. Ничего до этого о нём не знала, слов не поняла, но с концерта вышла потрясённая! Сумасшедшие ритмы выбивали почву из под ног, голова шла кругом. Это было что-то... Он полная противоположность Джо Досену, но хорош.

– Ну, да, красавец, к тому ж француз, – съязвил Федя.

– Да нет же, нет! Тощий, длинный и длинноносый, но дело не в том. В нем была какая-то неумность, он не вмещался в зал, он будто создавал ураган, и волей неволей захватывал всех в него, под заклинания непонятных слов, – пыталась разъяснить Александра. – Его с лягушками не сравнить, хотя также не понятно о чём это он? Чужой язык, но действует завораживающе.

– А у нас тут, как видишь, лягушки! Твоему французу были бы по вкусу, для нас – песня, для него – деликатес. А тебе, Аля, нравятся эти милые создания? – Слава держался около Алечки, приобняв её за плечи. Аля засмеялась:

– Любуюсь ими не налюбуюсь, все до одной царевны Лягушки, и песня их просто шедеврально. Я очарована, бесподобно, превосходно!

– Да, слушайте вы все! Разве где когда вам удастся услышать этот гимн самой жизни? Во, жизненная сила! Во, бунтарский дух! Из простого «ква» сколько вариаций! Я аплодирую вот этому безудержному соло! – Федя ударил в ладоши.

Не сразу, заслышав хлопки, лягушки и лягушата шлёп-шлёп и попрыгали с берега в реку, после чего притаились, рассыпав по поверхности пучеглазые телескопы, в которых торчали опасенье и любопытство взятые вместе. Кем казались им эти молодые люди, явившиеся среди ночи и нарушив прелесть жабьего пения?

– Концерт испорчен! – произнес Слава.

– Напугали меньших братьев... А жаль!

Александра, распахнув широко окно, сидела съёжившись на подоконнике, мысленно прокручивая ночное приключение. Видит девушка – отец не тушит свет, всё читает книгу...

Конечно, зря мальчишки не поверили – арии лягушек были ничего, что-то в их хоре было трогательное, тоже ведь, наверное, о своей любви кричали. Хорошо, всё поначалу было хорошо.

Но ещё не тут назвал Федя её дурочкой. Это будет потом. Никак не приходит на ум объяснение Саше, что же с ней такое было? Вчетвером, дружно держась друг за дружку, спустились дальше вниз, к деревянному мостку. Этот мостик разделял две реки, так как был переброшен через узкое устье Ливенки. При спуске с горы под ногами перекашивался и срывался с обрыва мелкий известняк, слышен был его последний у берега стук. Федя страховал Александру, Слава Алю. Девушки доверились парням, а те не баловали. Давно друг друга знали, со школы, но впервые они проводили поздние часы вместе.

Застучали каблук девушки о деревянный настил, и только что было темно за выступом обрыва, как тут во всю ширь равнины воцарилась широкоглазая упитанная луна, свободно выплывающая на простор из-за тучки.

– Надо же! Сегодня полнолуние! – воскликнула Саша, – а ведь за горой её было не видно, совершенно не видно!

– Как здесь красиво! Я впервые у реки ночью. Здесь по-настоящему сказочно, – восхитилась Алечка. – И таинственно-тревожно, – добавила Саша.

Оказавшись на берегу реки Сосны, недолго посоветовавшись, было решено – лодку у дядьки взять и по реке все же покатаются. Мощная луна отчетливо освещала берега в округе, хлопчущих у лодки юношей, и резче обозначила белизну блузки Александры и ожерелье Али. Также под лунным сиянием ярко пятнали противоположный низкий берег белые ромашки, будто низину замело снежной порошей.

Лодка была объемная и просторная, всем хватило места. Она шла по волнам в сторону

большого моста через Сосну, в тех местах река была особенно широка, а вода от глубины черна. Волны чуть-чуть, слегка-слегка облизывали борта лодки, с причмокиванием и пришпокиванием. Весла то ныряли в глубину, то всплывали головами крупных сомов. Справа на горной возвышенности золотыми крестами упирался в лунное облако Сергиевский храм, вдоль которого по реке проплывала лодка. Пахло водяными лилиями, и нет, нет, да доносился от берега дух дикой фиалки. Парни по очереди гребли, а девушки присмирели. Их голоса уже не звенели столь бойко, ведь до берега не достать, а плавали они обе скверно. Как зыбко на реке! Федя налегал на весла. Аля, укрытая курткой Славы и тесно к нему прижавшись, то ли грелась в его объятиях, то ли целовалась напропалую, Александра бы не смогла точно ответить, потому что...

Вот этот момент. Момент лунной канцоны. С Александрой произошло нечто... Её живьём, как рыба червяка, поглотила лунность. Её сознание отсутствовало – секунду, минуту, две или более того, ей трудно сказать. Она выпала из реальности, для неё всё и все исчезли, не стало реки, лодки, ребят и даже Алечки, и её Александры тоже не стало. Были только чувства отданные потоку лунного света, существовала лишь лунная рапсодия, да громадная круглая словно по циркулю луна вставшая на высшую точку небосвода в самый его центр. Бетховенские аккорды, засевшие в девичьей голове стали явью, и явью стал поток пронзительного сияния в сторону крохотной лодочки в русле реки. Отражение небесного светила трепетало в воде за бортом, вода морщила и растягивала его круглолицесть, то в пугающей улыбке, то в застывшей мимике молчуна.

Вдоль берегов тянулась зовущая вдаль золотая лента, вплетенная в косу Лунной девы. И сама она - Лунная дева - вращающийся вихрь в лунных завихрениях вместо украшений на ступнях и запястьях, в платиновом блеске разметанных хаотично кудрей, в которых вместо диадемы – графитовый скорпион, окропленный червлёными слитками и неясный шепот красивых тонких губ: «Хочешь, не хочешь? Ступай за мной, спеши в никуда, попробуй – взять то, неведомо что... Я тебе позволю! Дозволю! Но помни – пути ста лун обман, обман, мираж, красивая грёза... Земные пути крепки, освободиться нелегко и тогда... я тебе позволю туда за мной!» – И поплыла вверх по воздуху с лунными факелами света в длинно палых ладонях, оставляя за собой следы светящихся бесконечных линий, зовущих Александру таинственными знаками. Пиццикато... пиццикато...

Александра, вытянула руки, так ей хотелось дотронуться до светящейся косы лунной девы, до восходящих струн, шепча и уговаривая: «Разве красота ложь? Разве не в ней истина? Не уходи! Подожди меня, я сейчас, сейчас... Кто меня удержит? Кому под силу, если я без сил от лунной канцоны»... – «Что без удержу тебя удержит?... не я, не ты, не я, не ты... Любость стихия, вольна и дивна, как сон медийна, и не стихает, она взывает», – пропела сиреной и унеслась ввысь, растаяла в свете лунного диска. Крещендо, крещендо!

Сашка чуть не рухнула за борт, подскочив с распростёртыми объятиями к самому краю лодки. Но, обнаружив лишь пустоту в руках, очнулась. И только теперь увидела лодку на реке, вёсла по бортам, вопросительную мимику друзей. Фёдор, бросив вёсла, держал Александру у самого края, сжимая слишком крепко в сильных руках. Лодку качало от толчка во все стороны. Фёдор закричал ей в лицо: «Ты дурочка? Дурочка, да?»

Насмешка и удивление, но больше насмешка читалась на лицах ребят. На слова Фёдора рассмеялся Слава, показывая на Александру пальцем, смеялась Аля, смеялась над ней, смеялась вместе со всеми. А Фёдор повторил спокойно и размеренно: «Ты что? Совсем дурочка, да? Мы с тобой говорим, а ты вместо ответа чуть за борт не сиганула!»

Александра не понимала – что она сделала не так? Она какое-то время не помнила себя, отключилась от переизбытка чувств, разве что за это посчитали её дурочкой, и даже подруга, она тоже с ними? В растерянности с недоумением: «Ведь Аля ближе всех, доверенное лицо, обо всем с ней без утайки, и вот – не со мной. Однако я где-то была. Разве не здесь? Отсюда ушла, а куда пришла? Что это со мной вообще было? Самой ничего не понятно. Но! Сегодняшняя лунная соната в полнолуние здесь и сейчас стоит того, чтобы унести за чудом, потому что эта лунная ночь на реке Сосне и есть чудо. Разве для них не так?»

Впоследствии Александре не захотелось больше ни о чём говорить. Она почувствовала – как отделилась от друзей, они сами по себе, она сама по себе. Им всё также весело от собственных шуток, а ей нисколько. Александра пошарила рукой под скамейкой, захотелось обуть босоножки, новые, светло-коричневые в крапинку – пора домой. И тут же Фёдор, уже передав вёсла Славе, опередил девушку, захватил за шлейку босоножку, заигрывая, крутанул, чтобы привлечь её внимание, а вдруг Александра кинется к нему за босоножкой с визгом и хохотом? С другими этот маневр ему удавался. Но Александра не шевельнулась, даже руку не протянула к Фёдору, лишь слегка изумилась. Взмах в стороны, и не успела она охнуть, лодка качнулась при развороте, а её новый башмачок скользнул из руки и сгинул, пропал в чёрной глубине, слетев с руки парня. Все расхохотались, громче не бывает. Все. Кроме Александры, которой было не до смеха, ей шутка не понравилась. Отвернулась:

– Зачем, зачем ты это сделал? Весело тебе, а я как теперь домой пойду?

– Эка невидаль, скажи спасибо река забрала босоножку, а могла бы тебя! Ещё минуту назад, так бы ты и улетела в омут, – парировал Фёдор.

– Только новые купили родители, что я им скажу? Опять, дорогие мои, покупайте! Честное слово, стыдно! Теперь придется идти в гору босой, мне не впервой. Ладно, так и быть, доберусь босиком.

Компания лезла по знакомой тропке, то и дело сбиваясь с неё, попадая на каменные уступы или в ямки. Федя протянул Александре руку, но та свою не подала, ответив: «Я сама!» Она карабкалась в гору босая, сбивая пальцы и ощущая пятками все шероховатости и камешки родного крутого берега. Девчонкой тысячу раз, возвращаясь от реки, босиком добиралась до верха и уже в парке, очистив ноги о траву, обувалась, а то и не обувалась, а шлёпала так как есть по пыли, которая приятно щекотала кожу, выскакивая пушистыми холмиками между пальцев. Камни впивались в Сашкины ноги, но та как партизан на допросе, молчала, не жаловалась, выдерживала характер. Фёдор напрасно пытался ей помочь – протягивал руку, она то и дело твердила ему: «Я сама!».

Не по силам оказалось Александре разрушить ту стену отчуждения, которая вдруг возникла к нему и ко всем остальным. Полнолуние ли виновато? Луна не доставала эту сторону нагорья, зато горели звёзды, будто игольчатые астры в саду, крупно, размашисто и броско.

Слава ушел с Алей, а Сашу остался провожать Федя, до её дома от парка рукой подать. У подъезда Фёдор миролюбиво произнес:

– А что ты делаешь завтра? Мы с тобой увидимся?

– Зачем? – пожала плечами, а про себя подумала – «с дурочкой?» – завтра я буду занята. Мне уже домой пора. Давно пора. Спасибо за ква-рок-концерт, большое спасибо.

– Да, не за что! Мы со Славой показали то, что никто тебе повторить не сможет. Песню родного берега, не важно, что это лягушки пели.

– Вот как! Запомню, и теперь только вспомню город Ливны и сразу же лягушиный крик «ква!» Причём пятничным хором.

– И меня.

– Тебя? Ну, да! И тебя, как назвал меня дурочкой. Тоже запомню.

– Ну, прости, прости, прости! – и он задержал Сашину руку, – какая горячая у тебя рука.

– Руки горячие – сердце, говорят, холодное! – «А ведь и вправду моё сердце вдруг стало холодным. Свет луны яркий, но без тепла. И мне этот парень вдруг совершенно перестал нравиться, чужой, совсем чужой. И сердце к нему охладело. Шёл бы ты, дружок, своей дорогой», – и вслух:

– Аля сказала, концерт лягушек – тоже искусство, а я другую сторону искусства близко в природе сегодня видела, красоту! Словами не пересказать. Я была частью чего-то бесконечного, от макушки до пят – вся за пределом. Но тебе этого не понять! А тебя я прощаю за лунную упоительную канцону. Разве ты не заметил, что золотая дорожка по реке это феерия Лунной девы?

– Какая ты чудачка, опять буровишь непонятно что. Но оттого я сильнее хочу поцеловать

тебя, можно? – приблизил лицо к Александре Фёдор.

Отвернулась в сторону:

– И поцеловать нельзя.

– Почему? Что с тобой? – удержал он её руку, – ведь все было просто и хорошо, я думал, мы как Слава и Аля, но потом что-то случилось...

– Потом стало сложно. С дурочками всегда так, ты не знал?

– Я же попросил прощение...

– Слышал такое? Умри, но не давай поцелуя без любви.

– Ну, ты хватила! Да ты и впрямь наивная дур..., – запнулся Фёдор, – Чокнутая! Знал бы с Алей лучше бы ушёл.

– Вот и хорошо. Завтра ещё не опоздаешь. Прощай, лягушачий поклонник! – И хлопнула перед носом Феде дверь подъезда.

Вот так закончилась для Александры бесшабашная в ночи прогулка.

– Наверное, я бы с ним поцеловалась, просто так. Но за дурочку, сам в дураках и остался! Да! Мне самой ничегошеньки не ясно, что же иногда со мной происходит? Была ли на самом деле лунная красавица – царица ночи родных берегов? Или я и вправду просто чокнутая? И вот вопрос – куда поплыла моя босоножка, на каком она застрянет дне? Река Сосна коварная – омутов не счесть, авось мой башмак пронесёт!

В дверную щель у пола все также пробивался луч.

– Ай, яй, яй! А папа всё ещё читает. Книгой зачитался? Стыдно, так стыдно! Что уж не понять – просто он меня дожидался, а я не остановилась, не поговорила с ним. Но, если бы я ему сказала, что была ночью на реке, он бы меня по головке не погладил. Всыпал бы хорошенько. Завтра обязуюсь – остаться дома с мамой и папой, а то совсем забросила родителей, а в Питере скучала. По-страшному тянуло в Ливны, будто этот город чуть ли не магнетический центр Вселенной, а то – малый пуп большой России. Наконец-то ясно – тянуло к родительскому теплу, к колокольному певучему звону, и ко всему, всему, всему... что так дорого сердцу. Пусть Аля на меня не обижается, но завтра я ни, ни, ни... никуда.

Александра, прикрыла окно, прогнав взмахами рук слетевшихся к ней на раму белых мотыльков, поправила подушку и, наконец, улеглась. Она не видела, что в окно до самого рассвета ей светила улыбка Лунной девы в вихре бесконечных линий.

Отец скоро тоже выключил свет, на душе сквозила печаль – выросла дочь и очень грустно думать, что ты ей больше не нужен.

Е.А. Гусева-Рыбникова 24.06.15г.